

А.Ф.Филиппов

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА*

ФИЛИППОВ Александр Фридрихович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН

---

* Статья является промежуточным результатом реализации обширного замысла, связанного с кодификацией социологического знания. Внести существенные коррективы в проект помогло обсуждение на ученом совете Института социологии, а затем на семинаре по проблемам социологической теории в университете Сассекса (Великобритания). Выражаю благодарность Г.С.Батыгину, указавшему на необходимость сузить поле исследований, и О.Рамштедту, предложившему ограничиться проблематикой пространства. С.П.Баньковской я обязан более четким, по сравнению с первоначальным вариантом, различием понятий пространства и места, "ближе к жизни" ряд положений этой работы развит в моей статье "Смысл имперского пространства", выходящей в сборнике "Иное".

1. Выбор теории и схемы понятий

В данной статье речь пойдет о социологической теории, причем весьма абстрактной, в меньшей степени обращенной к так называемым актуальным общественным проблемам, в большей — к внутренним проблемам самой науки. Это положение нуждается, видимо, в некотором обосновании. Ведь социология сроднена с обыденным знанием, она опирается на повседневные представления об устройстве социальной жизни, непосредственно доступные созерцанию. Социология также отчасти формирует это знание, когда ее категории становятся темами повседневной коммуникации. Однако аналогичный процесс повторяется и в ней самой. В результате разделения труда дифференцируются отрасли научного знания, иначе говоря, типы научной коммуникации. Среди них выделяется область *чистой теории*. Ее понятия поначалу кажутся совершенно отвлеченными и неприложимыми к проблематике текущих исследований, а затем постепенно тривиализируются и оказываются тем "обыденным языком" науки, по контрасту с которым формулируются новые абстрактные теории. Всегда ли они считаются наукой? Это решает только практика самой научной коммуникации: одни исследования принимаются в качестве наиболее абстрактных *научных* изысканий, другие *исключаются* из науки, явно (путем критики) либо путем умолчания — как "философия", "метатеория" или "схоластика".

Социологии свойствен теоретический плюрализм.¹ Никакие школы и направления не исчезают, сколь бы интенсивна ни была направленная на них критика. Ни одно из вновь возникающих течений не рассматривается (разве что самыми ревностными приверженцами) как универсальное. Категорическое противопоставление истинных и неистинных концепций теряет смысл и для внешнего наблюдателя². Социология последних 15 — 20 лет отличается отсутствием явных доминант. Сегодня

---

¹ Еще в прошлом веке это фиксировал Г.Зиммель, усматривая сходство метафизики, психологии и социологии. См.: [1, S. 118-120].

² Ситуацию, когда правота одной стороны не предполагает неправоты другой, ибо спорящие принимают разные правила дискурса, Ж.Ф.Лиотар называет "разногласием" [2, р. 9.]. Желаящие могут в таком состоянии социологии усмотреть воплощение "постмодерна".

для исследователей типично усвоение элементов самых разных концепций, прагматичное использование всего, что "работает". Это реально сложившаяся практика науки. Правда, и сейчас крупные теоретики, стремясь освоить больше продуктивных положений и понятий разных школ, не могут избежать соблазна выстроить собственную объемлющую концепцию. Наряду с теоретическими приобретениями, это обуславливает и неизбежные потери.

Представим это как ситуацию выбора. Испытывая потребность в теоретическом знании, в отсутствие явно доминирующих концепций мы вынуждены выбирать между теориями. У нас *как бы* еще нет не только жестких теоретических схем, но и внятных предпочтений³. Мы выбираем среди имеющихся подходов, опираясь только на свой дотеоретический опыт. При этом любая принципиальная односторонность (т.е. выбор единственного способа рассуждений) приводит к потере тех или иных возможностей описать некоторые стороны социальной реальности⁴, известные нам по опыту. Но именно опыт мы намерены осмыслить наиболее полно. Тогда можно сделать выбор не в пользу жесткой теоретической последовательности, но в пользу наиболее полноценного (многостороннего, учитывающего все данные нашего повседневного опыта) описания "социального"⁵. В этом случае следует свободно обращаться с наличным запасом теоретического знания, работать со многими понятийными инструментариями. Однако если при этом рассуждать последовательно, то придется ограничивать себя теми понятиями и ходами мысли, которые совместимы между собой, а значит, — и с внутренней логикой *нашей собственной становящейся теории*⁶. Описание "всего" в универсальном синтезе может отвечать нашим дотеоретическим склонностям, но противоречит самой идее науки как институционализованного поиска дискурсивно обоснуемых истин. Кроме того, создание завершенной теоретической схемы не приводит к устранению существующих: от многообразия социального опыта и подходов к его описанию нельзя уйти с помощью еще одной концепции. По пути *построения теории*, видимо, трудно продвинуться дальше.

Сформулируем это еще раз: современное состояние социологии, а также причины чисто логического характера привели к тому, что среди существующих теорий нет такой, которая бы удовлетворяла нашей потребности в объяснении множества аспектов социальной жизни, известных в обыденном опыте. Любые новые попытки систематизации теоретического знания неизбежно приведут нас к исключению определенных возможностей описания и объяснения. Даже если некогда уровень интегрального социального знания будет достигнут, то сегодня говорить об этом серьезно не приходится. Если же мы заинтересованы в использовании как можно более богатых возможностей описания и объяснения социального, то как совместить различные, часто прямо противоположные подходы, не впадая в нетерпимую для теории эклектику?

Одно из решений напрашивается само собой. Следует предварительно повысить

---

³ Конечно, это лишь сконструированная в эвристических целях теоретическая фикция, но разве не такова ситуация, когда "бывший советский" социолог совершает выбор из множества западных теорий?

⁴ Еще 100 лет назад Зиммель указал на важную особенность метафизических, психологических и социологических высказываний: любому утверждению с равной степенью вероятности может быть противопоставлен о другое утверждение. Причиной Зиммель называл невероятную сложность исследуемых в этих дисциплинах предметов [1, S. 118-122].

⁵ Субстантивируя прилагательное "социальное" ("the social", "das Soziale", "le social"), мы указываем, что заранее никаких квалификаций этого "нечто" дать пока не можем.

⁶ Положение не изменится и в том случае, если мы будем рассматривать познание как нами же создаваемую конструкцию, ибо тогда речь пойдет о том, как мы оперируем несколькими такими конструкциями, одну из которых признаем дотеоретическим знанием, а ряд других — теориями, устраивающими нас в том или ином отношении, но не исчерпывающими. Конструкция не означает произвола. См.: [3-5].

уровень генерализации суждений, перейти к *метатеории* или, как ее называет Дж.Александр, *теоретической логике в социологии*. "Наука, — пишет Александр, — столь же уверенно идет путем генерализации или "теоретической логики", как и путем эмпирической логики эксперимента... Общие предпосылки, таким образом, должны быть подлинно *"решающими"*, они должны оказать значительное воздействие на каждом более конкретном уровне социологического анализа." [6, 1, p.33, 37]. Александр представляет себе науку как "многослойный континуум", простирающийся от общих метафизических предпосылок через более специфические идеологические конструкции, более эмпирические предположения и "методологические обязательства" к "соотнесенным с эмпирией" высказываниям и фактам. Теоретическая логика имеет дело с выяснением значения каждого из этих уровней и их взаимосвязи.

Однако исследование значения общих предпосылок может быть поставлено под сомнение теми, кто усматривает в этом (например, Дж. Тернер) не более чем "интересную философию". Тернер считает, что теорию нельзя подменять метатеоретизированием [7, p. 162; 8, с. 125]. Тем не менее принципы практического различения теории и "интересной философии" в его концепции не вполне ясны. Б.Гизен критикует самую идею континуума у Александра. С одной стороны, утверждает он, таким образом утрачивается понимание "реляционной" природы категорий. Категории связаны в рамках теории между собой, а не с эмпирией. С другой стороны, особая форма опосредования категориального и эмпирического, а именно, практика тоже ускользает от внимания исследователя (см.: [9, S. 12-13, Fn. 5]). Тем самым предполагается, видимо, что любое теоретизирование одинаково далеко от непосредственного опыта — а с этим не всегда можно согласиться.

Можно рассуждать и так, как делал это некогда П.Бурдьё: не столь важно, в какой связи социологическое исследование находится с некоторой особенной теорией социального, "все равно, марксовой, веберовой или дюркгеймовой". Главное, чтобы оно отвечало условиям признания его научности, т.е. соответствовало принципам "социологической научной теории. ...То, что обычно называют "единством науки", есть не что иное, как единство метанауки, то есть тождество тех принципов, на которых основывается всякая наука, включая и социальную" [10, S. 9-10]. Однако проблема здесь не только в том, различаются ли наука и мета-наука, но и в том, как *практически* подходить к этому различению, на основании *каких* критериев решать, относятся ли данные принципы к науке вообще или к "особой теории социального".

Уже эти немногие примеры показывают, что генерализация суждений не облегчает нахождения консенсуса. Это не удивительно. Ведь и вопрос о том, различаются ли теория и метатеория и что является тем и другим, не может быть разрешен ни в теории, ни в метатеории. Здесь потребовалась бы метаметатеория, т.е. проблема возникала бы на каждом следующем уровне. Если решение и возможно, то только как практическое. В данном случае мы говорим о практике самой науки.

Практика же показывает, что взаимопроникновение принципиально различных теоретических подходов действительно происходит. Иногда бывает так, что в более общую теорию пытаются включить более частные. При этом богатство содержания этих теорий сводят к ряду относительно простых положений, переформулированных в соответствии с общей схемой (такова была, например, одна из процедур построения теории у Парсонса). Однако чаще бывает иначе. Для решения исследовательской задачи ученый привлекает имеющиеся теоретические ресурсы. Положения, заимствованные им из разных концепций, могут непротиворечиво совмещаться до тех пор, пока не учитываются все их предпосылки и из них не сделаны некоторые принципиальные выводы. Таким образом, и не будучи включенными в более фундаментальную схему, положения разных теорий приобретают более элементарный

характер.

Совмещение того, что в принципе противоречиво, можно называть эклектикой. Однако предположим, что тем самым в практике науки находит отражение фундаментальное единство социальности. Поэтому уровень взаимопроникновения теорий мы предлагаем называть "базисной"; или "элементарной" социологией. Конечно, со стороны логико-теоретической это все равно выглядит неудовлетворительно. Дело в том, что "элементарная социология" — это еще не теория, но один из аспектов теоретической деятельности, в предельном случае — как бы бесконечное исследование фундамента социальности. Этот способ работы с теоретическими ресурсами не всегда осознается как таковой: "чистые" теоретики чаще озабочены созданием собственных теорий; исследователи, имеющие более прикладные интересы, как правило, не нуждаются в подобном осмыслении концепций, которые они используют.

Для того, чтобы понять особенности фактически существующей, но логически неудовлетворительной элементарной социологии, зададим вопрос: разрешима ли задача по целенаправленному конституированию такого рода деятельности? Если иметь в виду долгосрочную перспективу, это весьма сомнительно. В самом деле, соединение теоретических высказываний необходимо вызывает появление чего-то системоподобного: чтобы вообще иметь возможность совершать операции (производить высказывания), теория должна отличать свои элементы от чужих, т.е. образовать систему и быть наукой, справедливо утверждает Н.Луман [11]. Однако такое замыкание системы (вольное или невольное, совершенное или несовершенное) требует времени. Следовательно, неизбежное в перспективе отграничение от других концепций не обязательно должно оказывать влияние на любое теоретизирование в данный момент времени.

Когда речь заходит о работе в рамках определенной теории, в силу вступают внутренние ограничения последней. Когда понятиям придается сугубо прикладное значение, т.е. когда некоторому классу реальных или возможных событий уже поставлены в соответствие готовое понятие или понятийная конструкция, вопрос о взаимопроникновении фрагментов теоретического знания тоже специально не ставится. Стихийная Эклектика практических исследователей непреодолима. Однако проблема актуализируется, если возникает вопрос о сугубо теоретическом осмыслении событий и процессов, известных нам как таковые в дотеоретическом опыте. Склонность к теоретической последовательности должна быть удовлетворена вместе с потребностью в богатстве возможностей описания. *Теоретическое осмысление* означает, что для описания и объяснения событий опыта, фиксируемого самим исследователем как дотеоретический, ученые пытаются найти, дедуцировать или сконструировать адекватные понятия и связи понятий. При этом во всякой системе научных коммуникаций существует свой — предельно высокий в рамках поставленных задач — уровень абстракции. В соответствии с задачами и сфера, называемая нами элементарной социологией, может быть более или менее абстрактной, в зависимости от характера привлекаемых теоретических ресурсов.

При свободном, гибком распоряжении теоретическими ресурсами обнаруживается, что понятия, если воспользоваться термином Лумана, *контингентны*, т.е. они могли бы быть и другими. Наше первоначальное решение, т.е. выбор в пользу такого-то основного ("первого") понятия не имеет иной основы, кроме самого решения. Первое решение — выбор возникает вообще "из ничего"⁷, но этого нельзя сказать о

---

⁷ "До теории" выбор обусловлен нетеоретическим решением. С точки зрения теории, у него нет оснований. Это напоминает политико-юридический децизионизм К. Шмитта и Н.Лумана (см.: [12; 13]). Происхождение решения, в том числе и о "первом понятии", можно теоретически объяснить, но это

последующих решениях. Если бы мы имели дело со строгими дедукциями, все обстояло бы проще. Каждый следующий шаг в дедукции обусловлен Предыдущим. Во всяком случае, поле возможностей выбора сужается, пока, наконец, заданность самозамкнутости не начинает оказывать все большее влияние на конституирование теории. Однако хотя первые решения и сужают область возможностей последующего выбора, они исчерпывают их не сразу: на каждом следующем этапе рассуждений открываются новые области альтернатив. Выстраивание теории происходит именно за счет выбора одного из возможных шагов рассуждения. Но значит, именно моменты выбора, различения понятий могут, в свою очередь, образовывать своеобразный "единый текст" (будь он замкнутой системой понятий, описывающих альтернативы, можно было бы говорить о некоей метатеории). На языке логики Дж.Спенсера Брауна [17] "различения" называются *формами*.

Логика различений, ряд положений которой в последнее время используются в теоретической биологии, системной теории, социологии [5; 18-22], требует специального освещения. Укажем лишь на те аспекты, которые важны в контексте наших рассуждений. "Мы принимаем как данную, — пишет Спенсер Браун, — идею различения и идею обозначения [indication], а также то, что мы не можем совершить обозначения, не проводя различения" [17, р. 1]. Иными словами, указать на что-либо значит уже отличить от иного. Различение проводится путем "установления границы" между какими-либо состояниями или содержаниями. Назвать что-либо — то же, что обозначить некое содержание *в отличие от иного*. Спенсер Браун использует пространственный образ и говорит о *форме*. Форма различения — это "пространство, отсеченное любым различением, вместе со всем содержанием пространства" [17, р. 4].

Итак, указывая на что-либо или называя что-либо, мы имеем дело с формой, отличной от иного и наблюдаемой как бы извне. Это "извне" точнее не определяется: форма есть "помеченное", "означенное" ("marked") пространство (или состояние) в отличие от "непомеченного" ("unmarked") пространства (или состояния) (см.: [17, р. 4-6]). Если же мы захотим определить, *где* проводится различение, придется указать, назвать, отличить иную форму, охватывающую первоначально помеченные и непомеченные состояния. Помеченным пространством — в отличие от теперь уже другого непомеченного — будет эта новая форма.

Применение идей Спенсера Брауна — далеко не бесспорно, оно может иметь весьма серьезные теоретические последствия в самых неожиданных областях знания (см., напр.: [23]). Наша задача скромнее. Понимание называния и обозначения как различения, а последнего — как формы позволяет увидеть, что понятий, вообще не предполагающих альтернативы, просто не может быть⁸. Не только последовательная дедукция (в рамках одной альтернативы), но и дизъюнктивное сочленение понятий (т.е. различение их как альтернатив) образует форму, отличную от иного. В свою очередь, пытаясь ближе определить эту область различения альтернатив, мы вновь совершаем ту же операцию различения, что, в принципе, после ряда повторений сулит немалые философские трудности. Но операциональное, прикладное значение такого обращения с понятиями весьма велико⁹. Именно желая увеличить свои теоретические ресурсы, мы подходим к понятиям как иначе-возможным, задаваясь вопросом о различениях или различениях различений.

предполагало бы опять-таки теорию — теорию теоретических решений. В связи с этим возникают проблемы парадокса, тавтологии и самореференции, которые здесь не рассматриваются [14-16].

⁸ У Лумана это сформулировано более четко: именно и только тогда, когда в точности указана альтернатива, речь идет о понятиях (см.: [5, S. 23]).

⁹ И не только с понятиями, но и с представлениями, наблюдениями, о чем пишет сам Спенсер Браун. См.: [17, р.76-77, 104-106].

Однако не забудем о другой стороне дела. Операции с понятиями предполагают также, что последние не только различаются между собой, но и отличаются от дотеретического опыта. Социология действительно сроднена с обыденным знанием, а значит, она редко говорит о вещах, *в принципе непостижимых* для наглядного представления. *Понимание социальности* необходимым образом сопряжено с видением, философски говоря, созерцанием ее. Общие *формы созерцания* (которые мы различаем в пределах созерцания, отличающегося от сферы понятий) — *пространство и время*. Мы оказываемся, таким образом, в самой сердцевине кантовского подхода, в значительной степени повлиявшего на социологическое теоретизирование¹⁰.

"Пространство, — пишет Кант в "Критике чистого разума", — есть необходимое представление a priori, которое лежит в основании всех внешних созерцаний" [А 24]¹¹. Это чистое созерцание [А 24], "форма всех явлений внешних чувств" [А 26]. Пространство едино, разные пространства понимаются как части его, именно поэтому пространство есть не понятие, но созерцание [В 40]¹². Время есть априорная форма *внутреннего* чувства, т.е. "созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния" [А 33]. Поэтому время — это необходимое условие, которое лежит в основе всех созерцаний [А 31], оно есть "априорное формальное условие всех явлений вообще", ибо "все представления, все равно, имеют ли они своим предметом внешние вещи или нет, сами по себе, как определения души, принадлежат к внутреннему состоянию" [А 34].

У Канта мы находим и весьма важное определение дизъюнктивного суждения. Оно, пишет Кант, "содержит отношение друг к другу двух или нескольких положений, но [отношение] не следования, а логической противоположности, поскольку сфера одного [положения] исключает сферу другого, — но одновременно и общности, поскольку вместе они заполняют сферу подлинного знания..." [А 73]. Наконец, в "Критике чистого разума" мы находим и рассуждение о *схеме понятия*, т.е. "формальном и чистом условии чувственности", которым ограничено использование этого понятия (см.: [А 140]). Кант различает образы (например, конкретное созерцание пяти точек в связи с числом пять), *схемы чистых чувственных понятий*, сообщающие таким понятиям их образы (например, "число вообще", "треугольник вообще"), и *схемы чистых рассудочных понятий*, которые нельзя привести ни к какому образу (например, схема причинности или взаимодействия). А поскольку формальное условие многообразного содержания внутреннего чувства — это время, то и схемы суть "временные определения a priori" [А 145].

Если мы воспользуемся идеей Канта, не вполне строго следуя букве и духу его изложения, то можно сказать, что пространственные либо временные образы созерцания сопрягаются с понятиями в пределах соответствующих схем¹³. Иными словами, подобно тому как время, будучи априорным условием чувственности вообще, не исключает тем не менее пространства как формы созерцания, так и принципиально

---

¹⁰ Это отдельная большая тема, которую мы затронем лишь вскользь. Из крупнейших социологов нашего времени наиболее отчетливо профилировал свою идейную близость к Канту, конечно, Т.Парсонс — начиная со "Структуры социального действия" [24] и кончая последними работами [25]. Среди социологов меньшего масштаба следует назвать Х.Шельски и Р.Дарендорфа. См. также [26]. Современную интерпретацию различения данных созерцания и понятий см. у Р.Порти [27, р. 154, 168].

¹¹ "Критика чистого разума" цитируется по изданию: [28, S.96, 97, 98 Fn.1,99,103,104,106,107, 144, 239, 241, 244]. См. также [29, С.50, 51, 52, 55,56,57, 83, 125, 127].

¹² Логическую связку в столь важном моменте своей аргументации Кант прописывает только применительно ко времени: представление, которое может быть дано посредством лишь одного предмета, не может быть понятием [А 32].

¹³ У Канта есть отдельные намеки на возможность такого поворота рассуждений, однако здесь мы не станем обсуждать это подробно. Скорее всего, наши дальнейшие рассуждения противоречат кантовским.

временная определенность [схем] не исключает различия схем пространственных и временных.

Итак, обращение к Канту позволяет прояснить важные моменты. Во-первых, мы можем сочленять не только согласующиеся, но и альтернативные положения в рамках дизъюнктивных суждений (следуя Спенсеру Брауну, скажем и о различиях дизъюнктивных суждений, поскольку единство "сферы подлинного знания" может быть отлечено от иного). Во-вторых, мы можем различать понятия в соответствии с тем, схемы какой из форм созерцания, пространства или времени, определяют области их эмпирического применения. Наконец, в пределах самой схемы понятия могут выступать и как взаимосогласующиеся, и как альтернативные.

Вернемся теперь к собственно теоретико-социологической проблематике. Итак, еще не будучи определена в понятиях, социальность уже *созерцается* наблюдателем. Она интуитивно прозревается им, как и всяким участником социального взаимодействия¹⁴. Она также *осмысляется* в понятиях, а они сопрягаются с созерцанием, будучи удалены от него в большей или меньшей степени. В понятиях осмысляется не множество конкретных впечатлений опыта, но, скорее, образы переживаемых событий социального. Эти понятия, во всяком случае первоначально, вписываются либо в одну и ту же, либо в альтернативные схемы созерцания¹⁵. Это позволяет различать "*социологию пространства*" и "*социологию времени*".

Может ли социологическая концептуализация опираться на формы созерцания, образы и схемы обоих видов? С одной стороны, это просто неизбежно, ибо *всеобщие* формы как таковые неустранимы. С другой стороны, не трудно заметить, что в некоторых теоретико-социологических построениях акцентирован только один из видов созерцания. Иными словами, у одних теоретиков больше артикулированы понятия, связанные с временными, у других — с пространственными образами социальности. Конечно, сразу возникает вопрос: как в рамках *одной* концепции могут быть совмещены понятия, связанные с разными схемами? По существу, это иная формулировка вопроса, поставленного в начале статьи: как могут быть совмещены между собой понятия различных концепций? На последний вопрос ответ дан выше в общей форме: такое совмещение возможно благодаря конъюнктивному либо дизъюнктивному сочленению понятий и суждений, ограниченных в своем применении одними и теми же образами или схемами. Но как быть, когда сами образы или схемы различны? Видимо, здесь приходится вспомнить о том, что в конечном счете схемы имеют — по Канту — временной характер. Вот почему проблематика времени часто выходит на первый план у теоретиков, которых отличает наиболее жесткая последовательность в конструировании теорий. Они действительно сопрягают понятия (во всяком случае, стремятся к этому) внутри одной — временной — схемы. Назовем хотя бы Т.Парсонса, Н.Лумана и, с некоторыми оговорками, Э.Гидденса¹⁶. Иначе и, как

¹⁴ Классические работы об интуитивном рассмотрении социальности принадлежат Г.Зиммелю. См.: (30-32).

¹⁵ Это ближе всего к понятию "сенсублизирующая схема" Дж.Тернера [7, р. 166-167; 8, с. 130-131]. Правда, можно предположить, что членение по принципу "пространство/время" он в лучшем случае отнес бы к разряду "интересной философии", однако его собственные схемы, описывающие взаимодействия "в пространстве и времени", не вполне удовлетворительны, так как не учитывают альтернативности этих двух типов созерцания.

¹⁶ У Лумана в этом вопросе позиция наиболее радикальная. Парсонс, как будет показано ниже, акцентировал временной характер социальности в ранний период своего творчества. Самый претенциозный проект последнего времени, нацеленный на учет обеих схем, — конечно, социология Э.Гидденса. См.: [33-34]. "Для Гидденса и Лумана, — пишет исследовательница концепций социального времени Б.Адам, — намерение поставить в центр [всего] время образует интегральный аспект их теорий". [35, р.14]. Однако Гидденс, как нам кажется, несмотря на ясно выраженные интенции, фактически гораздо более ориентирован на пространство.

представляется, намного сложнее обстоит дело с пространством. Это понятие, судя по всему, встречается у социологов чаще, чем понятие времени, и может показаться куда более очевидным. Мало кто (за исключением таких оригинальных мыслителей, как Парсонс или Луман) берется отрицать его значение. И все-таки в определении и использовании его несравненно больше путаницы, противоречий и неясностей. Между тем, в области социологии пространства наработано множество продуктивных идей. Чтобы использовать их, не отягощая себя проблемами выбора теории, построения теории и совмещения в теории пространственных и временных схем, мы и предлагаем наброски *элементарной социологии пространства*.

2. Основополагающие различия

Решение в пользу *социологии времени* означает, что поведение людей, их действия интересуют социолога как "осмысленные действия"; главное для него, говоря словами М.Вебера, "субъективно значимый смысл". Фактически происходящее совершается в настоящем. Прошлое и будущее — это смысловые проекции. Но смысловое есть нечто *нетелесное*. Смысл существует не в теле (хотя выражен только через материально-телесные носители), то есть не имеет места в пространстве. Решение в пользу *социологии пространства* означает, что социолог делает акцент на телесный аспект взаимодействия. *Тело размещено в пространстве*. Социология пространства связана с социологией тела; социология времени — с социологией смысла¹⁷. Поэтому социологи, заинтересованные прежде всего в исследовании самостоятельной значимости культуры, смысловых образцов и т.п., более ориентированы на время. Напротив, те, кто большее значение придает телесности, потребностям, власти, ориентированы на пространство.

Схема пространства и схема времени могут налагаться друг на друга: вещи внутренне созерцаются наблюдателем, со временем меняется значение тела; в свою очередь, смысл выражается через телесные носители. Более общие схемы можно рассматривать либо как сугубо временные, либо как сугубо пространственные, но во всяком случае от точек взаимоналожения можно вести рассуждения в прямо противоположных направлениях¹⁸. Лучше делать это сознательно, отдавая себе отчет в том, какие высказывания могут быть соединены с какими и в каком — конъюнктивном или дизъюнктивном — модусе.

Мы принимаем как не требующее доказательств то, что некое пространство всегда доступно созерцанию и воображению и в этом смысле не нуждается в определениях. Таким образом, мы проводим различие между чисто логическими (логико-математическими и т.п.) определениями пространства и тем, что в принципе доступно наглядному представлению¹⁹. Мы различаем далее значение пространства в

¹⁷ "Самые глубокие социальные отношения связаны с телом как средством выражения, а тело, в свою очередь, сопряжено со своей позицией в физическом мире", — пишет один из лучших исследователей этой проблемы швейцарский географ Б.Верлен [36, р. 198].

¹⁸ Ср. далее у Верлена: "Тело как средство выражения внутренней, чистой и наделенной памятью длительности выполняет ключевую функцию опосредования между нематериальным социально-культурным миром и физическими условиями, которые сопровождают любого рода социальное взаимодействие" [36, р. 198]. Однако ведь можно рассудить и по-другому: и тело, и пространство в их квазиестественности суть социально-смысловые определения. Таким образом, мы вновь попадаем в область смыслов, т.е. времени. Снова все зависит от характера исследовательской задачи.

¹⁹ В математике и физике необходимый логический вывод, как бы он ни казался вначале недоступным наглядному представлению, в конце концов обеспечивается соответствующими образами созерцания; подобно этому и в обыденной жизни мнимая самоочевидность созерцания есть дело привычки, в том числе привычки к жестким логическим выводам, утверждает полемизирующий с Кантом Г.Рейхенбах (см.: [37, с.56-78]). Если это и справедливо, то социолог все-таки имеет дело с фактическим состоянием

зависимости от перспективы наблюдателя. Мы различаем перспективу наблюдения с точки зрения социолога, не участвующего в наблюдаемых коммуникациях (это теоретическая фикция, но как таковая она значима для наблюдения) и перспективы наблюдения самих участников коммуникации. Мы различаем, наконец, понятие пространства в собственном смысле (пространство тел, имеющих форму и дистанцированных друг от друга) и понятие пространства в метафорическом смысле (наглядное отображение произвольно избираемого многообразия). Сформулируем некоторые из этих различий более четко.

1. Наблюдатель социальных событий может усмотреть, что тела участников социального взаимодействия неким образом пространственно размещены относительно друг друга, причем их взаимная близость или удаленность значимы для взаимодействия.

1.1. Наблюдатель принимает в расчет не пространство взаимодействия, каким его видит он сам, но значение, какое придают пространству вообще и пространству взаимодействия в частности участники взаимодействия. Он отличает, таким образом, свое видение пространства от социальных представлений о пространстве.

1.2. Наблюдатель различает два вида социальных представлений о пространстве: само собой разумеющееся для участников взаимодействия пространство и пространство как смысловую тему, как нечто обсуждаемое, структурирующее коммуникацию.

Социолог различает, таким образом: 1) свое видение пространства, 2) социальное значение пространства, не рефлектируемое участниками взаимодействия, но принципиально важное для них, и 3) пространство, как оно осознается и обсуждается этими последними.

2. От объективного размещения тел и способов его тематизации наблюдатель отличает множество социальных определений участников взаимодействия и метафорически говорит о социальном пространстве как *порядке социальных позиций*²⁰.

3. Пространство может рассматриваться и как нечто обозримое, как место данного тела или тел, и как большое пространство, обнимающее собой непосредственно созерцаемые места. Большое пространство, в свою очередь, может быть охарактеризовано как совокупность, или вместилище мест, и как необозримое, в принципе непостижимое для созерцания. Такое различие (пространство как место / пространство как вместилище мест / пространство как понятие или идея) должно быть проведено в рамках каждого из названных различий.

3. Совместимость классических дефиниций

Предлагаемые различия позволяют, на наш взгляд, работать с теоретическими ресурсами социологии пространства, будь то развернутые теории, фрагменты более обширных концепций, продуктивные установки и т.д. Объем данной статьи позволяет продемонстрировать наш подход лишь на немногих примерах. Тем более мы вынуждены оставить за скобками те построения, которые — при всей их плодотворности — неудовлетворительны в логическом отношении. К ним относится (это может показаться неожиданным) и подход П.А.Сорокина, в котором безнадежно перепутаны важнейшие различия (см.: [38, с. 297-302]). Ограничимся немногими

обыденных привычек созерцания, как правило, далеко отстоящих от науки.

²⁰ Конечно, и сами участники взаимодействия могут воспринимать и трактовать пространство как пространство позиций, в особенности, если последнее совпадает с пространством размещений (типичные примеры — расположение кабинетов в организации, столицы и провинции и т.п.). Но это — частный случай взаимоналожения более общих различий.

классическими определениями.

Э. Дюркгейм в "Элементарных формах религиозной жизни" оспаривает точку зрения Канта. Пространство само по себе, говорит он, не имеет никаких характеристик. Но оно и не является *чистой* формой созерцания. Мы приписываем определения времени, отличая один момент от другого; точно так же мы приписываем различные определения и пространству ("север-юг", "запад-восток", "левое-правое"). Эти определения согласованы с пространственными представлениями нашей группы. Представления о пространстве, порождаемые в социальной группе, следуют из ее собственных характеристик. Социальная организация — это модель, которая копируется в пространственной организации (см.: [39, р. 17]). Мир "находится" в обществе, так как именно оно представляет себе мир и лишь оно способно снабдить нас самыми общими понятиями. Пространство общества смешивается с целокупностью пространства [39, р.630-631]. Дюркгейм объясняет, как это происходит: индивиды и вещи должны быть распределены в обществе между различными группами, т.е. классифицированы. Сознательная самоорганизаций, классификация общества сообщается пространству, которое оно занимает. Чтобы предотвратить столкновения, каждой группе должна быть предназначена определённая часть Пространства. Пространство должно быть разделено и классифицировано, и эти классификации должны быть известны всем членам общества [39, р. 633].

Посмотрим, что дает этот подход в свете указанных выше различий. Самое главное — это предельная социологизация пространства. Принципы общественной классификации переносятся на организацию пространства, причем общество своим авторитетом навязывает такое видение как само собой разумеющееся. Теоретик дистанцируется от такого ограниченного видения, скорее всего, потому, что рассматривает организацию "локальных" обществ с точки зрения современного (универсального) общества, предполагающего абстрактные категории пространства и времени, без которых не было бы современной науки. Другой важнейший результат исследований Дюркгейма — самоочевидность пространственных устроений для членов общества. Они относятся к порядку размещений и общему видению пространства не сознательно, но так же, как к нормам (воспользуемся здесь известной интерпретацией концепции Дюркгейма Парсонсом [24, р.382-386]). Если бы нормы в полном смысле слова осознавались, отношение к ним было бы когнитивным. Иными словами, действующий относился бы к ним как к элементу ситуации, предоставляющей разные возможности выбора. Но действующий именно не осознает нормы, они нечто само собой разумеющееся для него. Увидеть это извне невозможно: действие на основе сознаваемых и несознаваемых норм внешне выглядит совершенно одинаково. Только внутренняя ориентация действующего при этом совершенно иная. Точно так же обстоят дела и с пространством. Хотя сам Дюркгейм пишет об авторитетной поддержке обществом пространственных представлений, все-таки последние держатся в первую очередь своей самоочевидностью.

Обратимся теперь к "социологии пространства" Г. Зиммеля (см.: [40,41]). Зиммель скорее отталкивается от кантовской точки зрения, нежели с ней полемирует. Пространство, по его мнению, — это форма совершения событий в мире, равно как и время. Часто именно таким формальным условиям приписывают некоторое причиняющее действие, когда, например, говорят о "власти времени" над людьми. Аналогичным образом обстоит дело и с пространством. Зиммель показывает, что это неверно. Само пространство не есть действующий фактор. Конечно, царства не могут быть сколь угодно большими, а любое взаиморасположение людей неизбежно обретает пространственную форму. Однако содержания, которые эту форму наполняют, зависят от других содержаний, а вовсе не от пространства. Дело не в пространстве как таковом,

а в душе. "Не пространство, но совершаемое душой членение и собирание его частей имеет общественное значение. Этот синтез фрагмента пространства <Raumstucks> есть специфически психологическая функция, которая — при всех мнимо естественных данностях — совершенно индивидуально модифицирована; но категории, из которых он исходит, подсоединяются — конечно, более или менее наглядно-созерцательным образом — к непосредственности пространства" [41, S. 688].

Однако в некоторых случаях пространственная форма оказывается особенно важна для рассмотрения социальных явлений. Исследователь придает такое значение пространству, если в конституировании "формы обобществления" пространственный аспект выступает как первостепенный. "Взаимодействие между людьми воспринимается — помимо всего прочего — также и как наполнение пространства. Если некоторое число лиц в рамках определенных границ изолированно селится друг подле друга, то тем самым каждый из них наполняет своей субстанцией и своей деятельностью непосредственно ему присущее место, а между этим местом и местом следующего лица пространство является незаполненным, т.е., практически говоря, ничем. В то мгновение, когда оба вступают во взаимодействие, пространство между ними являет себя как наполненное и оживотворенное. Конечно, это основывается только на двусмысленности [того, что называют] "промежуточным <Zwischen>": отношение, которое имеет место *между* двумя элементами, есть всего лишь имманентно совершающееся в каждом из них движение или модификация, но оно происходит *между* ними в смысле пространственного вступления в промежуток" [41, S. 689].

Один из важнейших примеров исследования пространственных форм — понятие "исключительность пространства". Каждая часть пространства как такового уникальна, она немислива во множественном числе. Именно это позволяет говорить о совершенно тождественных объектах — во всех прочих аспектах, кроме пространственного. Они тождественны, но размещены в разных частях пространства. Поэтому и становятся в своем роде тоже уникальными. Некоторые социальные образования могут быть так крепко спаяны со своим пространством, что для других места на том же пространстве уже не остается. Таково государство, исключаящее на своей территории другие государства. Иначе обстоит дело с городом, городской общиной. Экономическое, политическое или духовное влияние города распространяется за его пределы, взаимодействуя с влияниями, исходящими от других городов, на исключительной территории государства. В пределах средневекового города сосуществуют несколько общин, идентифицируемых той же самой территорией. Пространство может быть характеристикой либо фиксированных на определенных территориях групп, либо перемещающихся сообществ, либо взаимодействующих людей. Подробнее сказать об этом здесь невозможно.

Сопоставим основные различия, с которыми работают Дюркгейм и Зиммель. Прежде всего, бросается в глаза различие универсального (бесконечного, абстрактного) и наглядно созерцаемого пространства. Разделенное и классифицированное пространство Дюркгейма может быть соотнесено с "фрагментами пространства" и "местами" Зиммеля. Неизбежность классифицированного размещения, как ее трактует Дюркгейм, может быть истолкована как "исключительность пространства", по Зиммелю. При этом у Дюркгейма мы находим относительно более ясные различия между тем, что видит социолог (универсальный наблюдатель), и тем, что видят наблюдаемые им люди²¹. Зиммель менее четко различает позицию наблюдателя и воззрения самих участников взаимодействия. Однако ему удается иное

---

²¹ За всем этим, однако, стоят серьезные философские проблемы, решаемые Дюркгеймом далеко не удовлетворительно. См.: [42, с.246-249].

плодотворное различие — пространство может быть: 1) однозначно квалифицировано как пространство группы или общности, 2) рассматриваться как пространство взаимодействия и взаимовлияния, или 3) как пространство не только размещения, но и перемещения, или 4) как пространство сосуществования социальных групп. Подход Зиммеля позволяет различать пространство физической географии и пространство политической географии и социологии.

Весьма сильно продвинуться в одном из важнейших направлений нам поможет концепция Т.Парсонса. В раннем труде Парсонса мы находим однозначное отрицание значения пространства для анализа социального действия: "Физическое время есть способ соотнесения событий в пространстве, время действия <action time> — способ связи средств и целей и других элементов действия. <...> Действие непространственно, но временно" [24, p.763]. Парсонс, разумеется, отдавал себе отчет в том, что действуют живые люди, телесные существа. Но для него важно другое: "Конечно, нет такого эмпирического "Я", которое бы не было "аспектом" живого биологического организма или не было бы "ассоциировано" с ним. Следовательно, события действия суть всегда события во времени, "случающиеся" с физическими телами или предполагающие их. Таким образом, нет никаких конкретных действий, к которым не приложима категория пространства. В то же время эта категория нерелевантна для теории действия, рассматриваемого как аналитическая система; последнее, конечно, предполагает, что "акционный" аспект конкретных феноменов их никогда не исчерпывает" [24, p.45, Fn.]. Это связано с концептуализацией тела, ибо "тело действующего точно так же образует для него часть ситуации действия, как и внешняя окружающая среда" [24, p.47].

Во втором капитальном труде Парсонса "Социальная система" о пространственном аспекте говорится более содержательно. Здесь Парсонс вводит понятие "территориальность" — это один из реляционных атрибутов "ego" как биологического организма. Реляционные критерии определяют, в каком специфическом отношении некий объект находится к "ego" и, таким образом, к другим объектам. Парсонс выделяет три таких реляционных атрибута: биологическую позицию (половой аспект воспроизводства), пространственное, или территориальное размещение, а также темпоральное размещение (локализация во времени). Если "пространственная позиция ego как организма в данный момент времени берется как *данное*, то отношение к ней позиции в пространстве, на которой размещен alter, и есть территориальное размещение" (см.: [43, p.89-90]). Такое релятивное (соотносительное) территориальное размещение присуще всем действиям, но особенно важно оно в двух случаях. Во-первых, поскольку каждый индивид исполняет несколько социальных ролей, продолжительность отводимого им времени не может быть большей, чем позволяет ограниченная пространственная мобильность при переходе от одной к другой, например, от семьи к работе, и наоборот. "Это значит, что основные "базисы операций" деятельности индивида должны располагаться внутри ограниченной территориальной области, хотя "регулярное сообщение" посредством механических средств сильно расширило эту область. Сообщество — это коллектив, члены которого разделяют общую территориальную область как базис своих операций в повседневной деятельности" [43, p.91]. Парсонс еще называет это "резидентным размещением".

Во-вторых, важным аспектом территориальности является применение силы. Сила действует именно на тело, организм, ограничивая свободу действующего, например, его движение или коммуникации. "Чтобы использовать силу против действующего, необходимо "добраться до него" *в том месте, где он есть* или хотел бы находиться. Использование силы — предельное средство предотвращения действия (мертвец не действует), а поскольку как компонент власти использование силы *должно* контролироваться в обществе, территориальная организация силы и ее

возможное <contingent> использование всегда является фокусом структуры общества" [43, p.91]. Общество, по Парсонсу, прежде всего политически организовано, и оно должно установить "относительно эффективный нормативный порядок на некоторой территории <territorial area>" [44, p.2].

Оставим в стороне вопрос о том, насколько последовательно могут сочетаться более ранние идеи о преимущественно темпоральном характере действия как аналитически вычлняемой реальности и позднейшие рассуждения о его пространственных характеристиках. Зафиксируем это различие как дизъюнктивное суждение. Парсонс различает действие *per se*, аналитически вычлняемый аспект совокупной реальности, и конкретное событие действия. Первое *не пространственно, но только временно*. Второе предполагает тело, организм действующего. Если пространство сопряжено с телами действующих, то время — с ожиданиями. Тело размещено в пространстве, наряду с телами других действующих; перемещения тела ограничены возможностью исполнения социальных ролей и контролируются обществом с использованием силы. Тела членов сообщества, в основном, размещены в одной и той же области, и на этой территории поддерживается определенный нормативный порядок (в том числе и посредством силы, хотя отнюдь не исключительно ею). А пребывание на общей территории связано с общими нормами и насильственными гарантиями порядка. То, что Зиммель назвал бы исключительностью пространства данного государства, Парсонс трактует как самодостаточность социетального сообщества на данной территории. Квазинормативной значимости пространства, по Дюркгейму, соответствует значимость нормативного порядка на данной территории, а пространственным классификациям — совокупность резидентных размещений. При этом — что не удивительно в связи со всей концепцией Парсонса, — совершенно теряется различие между субъективным созерцанием пространства действующими и объективной перспективой наблюдателя. Теряется (поздние философские работы Парсонса — это отдельный вопрос) и различие универсального бесконечного пространства и конкретного обозримого пространства. Речь идет только о последнем, - о пространстве мест, территории.

4. Обозримое пространство и тело

Таким образом, проблематика социологии пространства приводит нас к проблемам социологии тела — родственной, но все-таки иной дисциплины²². Рассмотрим, например, соотношение тела и пространства у П.Бурдьё. "Квалифицировать свойства и движения тела как нечто социальное, — пишет он в книге о "практическом рассудке", — значит сразу же наиболее фундаментальным образом натурализовать социальный выбор и конституировать тело, со всеми его свойствами и перемещениями, как аналогичный оператор, устанавливающий все виды практической эквивалентности среди различных разделений социального мира: полов, возрастных и социальных классов, — точнее, среди значений и ценностей, сопряженных с индивидами, которые занимают практически эквивалентные позиции в пространствах, определяемых этими разделениями" [46, p.120]. Иными словами, разъясняет Бурдьё, если элементарные движения, "гимнастика тела" (движения вверх и вниз, вперед и назад и т.п.), особенно же сексуальный, биологически данный ее аспект оказываются сильно нагружены социальными значениями, социализация внушает чувство тождества между социальным и физическим пространствами. Но при этом самые фундаментальные структуры группы оказываются укорененными в изначальном

---

²² См. общее введение (с обзорами новейших тенденций) [45].

опыте тела, т.е. опыт тела не непосредственно естествен, но столь же натурален, сколь и социален (см.: [46, p. 122]). Процессы усвоения и воспроизводства габитуса, т.е. "системы длительных и транспонируемых установок", "структурированных структур, предрасположенных быть структурирующими структурами" [46, p. 88], как правило, находятся ниже уровня сознания. Это значит, что в одном случае нет сознательного усилия подражания, в другом — памяти и знания. В первом случае следует говорить даже не об имитации, но о *мимесисе*; во втором — о *практической реактивации*, лежащей ниже уровня выражения, сознания и предполагающей их рефлексивной дистанции. "Тело верит, поскольку оно играет: оно плачет, миметируя грусть. ... То, что усвоено посредством тела, не есть нечто такое, что ты имеешь, как знание, которым можно заслониться, — это нечто такое, что ты есть" [46, p. 122]. Преимущественным же местом объективации "порождающих схем" является обитаемое пространство — начиная с дома, жилища [46, p. 129].

Итак, физическое пространство и пространство социальное сопрягаются, поскольку тело нагружается социальными значениями, а социальность натурализуется. Имеется не *знание о пространстве*, но практическая ориентация, не сознаваемая, ибо укорененная в опыте тела и как биологически преконструированного, и как социально нагруженного "оператора".

Усвоение и воспроизведение в автоматических реакциях схем устройства мира (социального и физического) происходит на уровне "практического смысла", без рассуждений и рефлексий. И чем раньше человек "вступает в игру", тем более самоочевидным кажется ему пространство игрового поля, а тело, будучи поставлено в соответствующие условия, всегда пустит в ход свои движения. Бурдье, разумеется, подчеркивает, что в наибольшей степени все это относится к дописьменным обществам. Об этом же говорят и его примеры. Однако здесь возникает сомнение: не может ли такая самоочевидность непосредственного сопряжения пространства с биологически определенным и социально обозначенным телом стать меньшей на более поздних этапах, когда уже известна письменность и развита рефлексия? Применительно к современной ситуации Бурдье предпочитает говорить именно о пространстве (пространствах) социальных позиций²³, — но тогда справедливы критические замечания Б.Верлена: "Если мы примем в расчет тело агента, то увидим, что стратегия Бурдье должна во многих отношениях оказаться неудачной. Он не может разместить тела в своем социальном пространстве... В то же время он не способен провести ясное различие между пространственными понятиями физического и социального миров" [36, p. 155].

У Бурдье отсутствует важнейшая для классиков универсальная перспектива бесконечного пространства. Это связано с его ориентацией на преодоление как объективизма, так и субъективизма. Отсутствие этого различия приводит к тому, что пространство совершенно социологизируется, но социальность эта (в отличие от Дюркгейма) натурализуется через обращение к непосредственному опыту тела, который, в свою очередь, метафоричен и социален. Характеристики тела, а значит, и характеристики пространства, которые он предлагает, однозначно конкретны. Живое тело имеет пол, возраст, его действия — еда, питье, половое воспроизводство и т.п. Конкретно определяемое тело перемещается в столь же конкретно определяемом пространстве: дом, обозримые пределы небольшой этнической общности, вообще, все, что входит в пределы наглядного созерцания. Именно здесь перемещения и движения тела сопряжены с дорефлексивным и притом столь же социальным, сколь и "натуральным" представлением пространства. Это облегчает объяснение

---

²³ Подробное и развернутое изложение этой стороны концепции П.Бурдье см. в его книге "Различение" [47], (ч. II, гл.2-3).

квазинормативной (точнее, более фундаментальной, нежели нормы) значимости пространственных классификаций. Но это объяснение работает лишь для обозримого пространства и при отсутствии рефлексии.

Размещение тел в обозримом пространстве естественным образом оказывается одной из ключевых тем микросоциологии. Социология тела, социология (обозримого) пространства и микросоциология, таким образом, предполагают друг друга²⁴. Это хорошо показано в работе Дж. Тернера, который синтезировал идеи многих теоретиков, в том числе А.Шютца, И.Гофмана, А.Гидденса. Пространство у него — это социально организованное пространство интеракции. "Своим размещением в пространстве или своим перемещением в пространстве люди сигнализируют друг другу о своих намерениях и ожиданиях" [7, р. 176; 8, с. 139]. Выстраивая свое взаимодействие как род сценической игры, индивиды договариваются об использовании пространства: кто какую территорию занимает, кто, куда и как часто может передвигаться и т.д. Отсюда следует возможность регионализации интеракций, т.е. образования устойчивого образца их пространственного распределения и подвижности²⁵. Характерным образом регионализация стоит у Тернера в одном ряду с "рутинизацией", "нормативизацией", "ритуализацией" и "категоризацией" (взаимным типизированием) совместной активности индивидов, находясь с ними в отношении позитивного взаимодополнения. Насколько эффективно происходит одно из перечисленного, зависит от успешности также и всего остального (см.: 7, р.179, 181-183; 8, с. 140-141, 143-145]).

Итак, мы встречаемся еще с одним из названных выше различий: пространство может служить темой, "обговариваться". Однако приведенные рассуждения относятся, в основном, к микроуровню, макропроцессы совершаются в больших географических регионах, и ни о нормативизации-регионализации, ни о вербальной тематизации пространства речь здесь у Тернера уже не идет. Парсонс не пишет о непосредственной значимости тел в устройении пространства малого взаимодействия. Но через понятие резидентного размещения ему удается связать обозримое пространство обыденных перемещений с совокупной территорией социетального сообщества. Тернер отказывается от совмещения микро- и макроподходов, а значит, и от сопряжения социологии обозримых и социологии более крупных пространств. Но он и не доходит до сопряжения описаний микро- и макроуровней по типу дизъюнктивного суждения, не до конца использует свои теоретические ресурсы, поскольку не предполагает возможности обговаривания более крупного пространства.

6. Элементарные взаимодействия в пространстве

Попытаемся теперь дать первичную концептуализацию пространственных образов социального взаимодействия. Воспользуемся нашими различиями, чтобы совершить теоретический выбор. В данном случае мы выбираем обозримое для участников, но абстрактно (безотносительно к конкретным определениям тела) вычленяемое пространство. Мельчайший возможный фрагмент универсального пространства есть место совершения простейшего диадического взаимодействия, с которого мы и начнем заключительные рассуждения.

Может показаться, что проще было бы начать с поведения единичного

---

²⁴ С нашей точки зрения, наиболее перспективны в этом плане работы И.Гофмана, которые следует рассмотреть отдельно. См.: [34, р. 109-140; 48-49; 50, р.219-253].

²⁵ Плодотворную концепцию регионализации общества разработал Гидденс в "Конституции общества" [33, р. 110-161]. Она заслуживает отдельного комментария.

действующего, однако это не так. Вслед за М.Вебером мы можем сказать, что собственно социальное начинается с ориентации на другого; как и Г.Зиммель, мы придерживаемся того мнения, что одиночество действующего — это отнюдь не простой социальный факт. Здесь просматривается сложное действие многообразной социальности, в диадическом же взаимодействии нет поначалу ничего, кроме факта встречи "я" и "другого" [31, S. 96]. При этом и "я", и "другой" непосредственно воспринимают пространство как существа телесные. На пространство физического мира здесь непринужденно накладывается пространство социальное. "Пространство в физическом мире, — пишет Б.Верлен, — конституировано через опыт собственного тела субъекта посредством сознательного Я в движении. Агент, таким образом, на опыте постигает физический мир и представляет его пространственные измерения *исходя из перспективы своего тела*" [36, p.161]. Основные ориентации тела в пространстве — "лево", "право", "перед", "сзади", "вверху", "внизу".

Если "я" и "другой" взаимно ориентируют свое поведение, то пространственная достижимость чужого тела и, соответственно, достижимость своего тела для чужого входит в смысл этого поведения. "*Я говорю о некоем Ты, что оно принадлежит к моему социальному окружающему миру, если оно сосуществует со мной в пространстве и времени*, — пишет А.Шютц. — То, что оно сосуществует со мной в пространстве, означает, что оно дано мне "телесно", а именно, как *оно самое*, как это *особое Ты*, а тело его — как поле выражения в полноте своих симптомов" [51, S.227]. Мое тело и тело другого не могут одновременно находиться в одном и том же месте; вообще, любые два тела, все равно одушевленные или неодушевленные, не могут находиться в одном и том же месте одновременно. "Пространство учит логике, — говорит Луман. — Подобно тому, как совершенно невозможно построить дом там, где уже стоит дом, должно быть исключено также мыслить дом со свойствами другого дома" [52, S.525, Fn.54]. Однако тело другого человека может переместиться или, наоборот, остаться на том же месте *по взаимному согласованию* (не обязательно вербальному), в том числе под воздействием угрозы (обоюдно или односторонне выражаемой) применения силы. Таким образом, первично естественное и социальное представление о пространстве как пространстве определенных мест. Оно воспринимается как само собой разумеющийся аспект организации поведения и коммуникации. Движения своего и чужого тела задают действующему дорефлективный опыт, который, в свою очередь, может служить основанием для дискурса, обговаривания размещений в пространстве. Но прежде дискурса тело автоматически подсказывает возможное движение, соразмерное доступному пространству.

От диадического взаимодействия обратимся к более сложным. Уже переход от диады к триаде имеет, согласно Зиммелю, принципиальный характер [31, S. 125]. Вместе с третьим участником взаимодействия появляется возможность незаинтересованного наблюдения. Непосредственный наблюдатель — это также участник взаимодействия. Каждый из участников диадического взаимодействия наблюдает лишь другого участника и — косвенно — себя. Они не наблюдают само взаимодействие. Третий участник может наблюдать взаимодействие, он *участвует как наблюдатель* (действие, по Веберу, есть также *претерпевание*). Как участник он соопределяет пространственные характеристики взаимодействия сообразно размещению своего тела и размещает тело сообразно пространственным характеристикам. Но одновременно он наблюдает само взаимодействие (в данном случае, только диаду). В свою очередь, присутствие наблюдателя позволяет другим участникам взглянуть на свое взаимодействие со стороны. Так или иначе, совершенно неотрефлексированное использование и определение пространства возможны только в диадическом взаимодействии. Триада предполагает возможность суждения,

объективирования пространства. Однако и триада, и более обширные по числу участников взаимодействия до какого-то уровня остаются непосредственными, т.е. микроинтеракциями. До какого же именно?

Интересно, как в этой связи А.Шютц вводит различие: "Umwelt" / "Mitwelt" ("окружающий мир" / "совместный мир"²⁶). Первое понятие предназначено для обозначения непосредственно данного в пространстве и времени социального опыта. Окружающий мир слоится на уровни более близких и более периферических переживаний, и постепенно эта периферия оказывается за границей окружающего мира, продолжаясь "по ту сторону телесности и пространственной непосредственности в ситуацию совместного мира" (если следовать англоязычной версии: мира современников). Одно переходит в другое, но трудно указать, когда непосредственное перестает быть таковым. То, что уже перестало быть непосредственным опытом для участника, может быть все еще непосредственным взаимодействием с точки зрения наблюдателя, обзоревающего это взаимодействие в иной перспективе.

Итак, абсолютного определения непосредственно созерцаемого нет. Определения участников ситуации и наблюдателя (они могут различаться или совпадать) зависят от контекста. Соответственно, релятивизируются области макро- или микроподходов. Но предельные случаи (с одной стороны, диадическое взаимодействие, с другой — взаимодействие миллионов на обширных пространствах) достаточно бесспорны. А между ними — множество градаций. На это справедливо указывает, например, Р.Коллинз. "Микро" и "макро", согласно Коллинзу, следует рассматривать как полюса континуума. В зависимости от того, смотрим ли мы, так сказать, "вниз" или "вверх", беря за отправной какой-либо уровень взаимодействия, этот последний оказывается для нас более "микро" или более "макро". Наиболее "макро" — то, что покрывает самые большие территории и дольше всего длится (см. [54]). Коллинз предлагает двухмерную шкалу для ранжирования объектов микро- и макроисследования. Мельчайший элемент — когнитивно-эмоциональные процессы, происходящие в одной личности в течение нескольких секунд. Малые группы занимают территорию до 10^2 , а территориальное общество — до 10^{11} - 10^{14} квадратных футов. Ритуалы и групповая динамика в малой группе могут иметь длительность до 10^4 сек., а продолжительность существования территориального общества исчисляется, минимум, годами. Такова, заметим, именно перспектива *наблюдателя* — что подчеркивает и сам Коллинз (см.: [50, p.263, 266, Fn.2, 273, Fn.3]). Дело не только в том, что сами участники взаимодействия могут иначе воспринимать и иначе обговаривать пространство. Дело еще и в том, что в этих определениях совершенно невозможно обойтись без временной схемы. Но время здесь выступает как бы продолжением, еще одним измерением пространства. Пространство-время физического мира и даже "хронотоп" художественных описаний — это не то, что чистое время созерцания или развертывающегося в логической последовательности смыслового образа.

Важнейшим определением малого, непосредственного, простого взаимодействия часто называют *присутствие* или *соприсутствие*²⁷. Позволит ли это

²⁶ В стандартном английском переводе "Umwelt" характерным образом переводится как "domain of directly experienced social reality" ("область непосредственного опыта социальной реальности"), "face-to-face situation" ("лицом-к-лицу-ситуация"), а "Mitwelt" — как "world of contemporaries" ("мир современников"); т.е. в первом случае подчеркивается (хотя не исключительно) пространственный аспект (достижимость), а во втором — временной (одновременность). См.: [53, p.20-63].

²⁷ И.Гофман говорит о сотелесном присутствии [49, p.4] (см. здесь же любопытное понятие "личной территориальности"). Луман говорит о соприсутствии, не обращаясь к категориям тела и пространства (см.: [55, S.21-22]).

нам перейти к большому пространству? Соприсутствие двух собеседников в известном смысле не прерывается от того, что они свою беседу с глазу на глаз продолжают по телефону²⁸. Однако пространство, разделяющее двух собеседников, является иным, не тем легко обозримым пространством, где они находились лицом к лицу, но большим, непосредственно не обозримым. И они, находясь благодаря телефону, в непосредственном контакте, *знают о разделяющем их пространстве как большом*, во всяком случае, большем, нежели первоначальное пространство их общения. В то же время, лишь благодаря телефону (или иному средству социальной коммуникации) можно реализовать непосредственный контакт в большом пространстве. Средства коммуникации предполагаются величиной фактического пространства взаимодействия (и наоборот) и позволяют (социально!) изменить отношение к достижимости.

В большом пространстве невозможно непосредственное созерцание удаленного тела; при этом понятие соприсутствия теряет важность и автоматизм размещения уступает место *знанию* о территории. "Для микро-исследователя, — пишет А.Сикурел, — заинтересованного вопросами коммуникации, социальная и коммуникативная компетенция респондента означает способность использовать язык и соответственно взаимодействовать с другими таким способом, который предполагается типичным и нормальным в данной социальной ситуации. ... Для макро-исследователя социальная компетенция означает знание о ценностях, нормах и институциональных образцах" [56, p.57]. Мы могли бы добавить, что коммуникативная компетенция для микроуровня означает способность ориентироваться в пространстве непосредственного взаимодействия, а социальная компетенция на макроуровне означает *знание о территориальном устройстве* того социального, к которому относит себя действующий. Социальная компетенция — это также умение пользоваться средствами коммуникации как ресурсами достижимости.

Не принимая во внимание это обстоятельство, мы неизбежно будем приходить к тому, что Коллинз называет "стратегией микротрансляции". С этой точки зрения, социальные структуры представляют собой "микрповторение в физическом мире", т.е. "повторяющееся в конкретных <particular> местах поведение людей, использующих конкретные физические объекты и коммуницирующих с определенными другими людьми при повторяющемся использовании преимущественно одних и тех же символических выражений" [50, p.272]. Конечно, продолжает Коллинз, имеется и символическая коммуникация, но социальная структура не сводится к смыслу: структура — это *повторяющиеся действия* коммуницирующих, в то время как смысловые содержания часто двусмысленны или ошибочны, часто не одинаково понимаются обеими сторонами в коммуникации, а представления о подлинном социальном состоянии (государстве, организации, семье, дружеском кружке) далеко не всегда точны и верны. Следовательно, наблюдателю не особенно и нужно знать, что происходит, так сказать, "в умах". Гораздо важнее *физическая среда действий*, включая и тела действующих.

С нашей точки зрения, это возможная, но одна из равноправных стратегий. Совершенно не обязательно придавать теории единство и транслировать социологию на уровень микросоциологии. Конечно, это позволяет подтверждать ориентацию на обозримый физический мир и на тело действующего. Но тогда мы теряем возможность более тонкого, не лобового ("что люди думают") анализа смысла. Этот последний особенно нужен, когда само по себе социальное взаимодействие ограничивается малым пространством и относительно малой длительностью, однако его содержанием, обсуждаемыми темами и, следовательно, элементами предрасположенности к действию оказывается именно большое пространство.

---

²⁸ Этот пример приводит и Шютц. См.: [51, S.246].

Что же мы получаем, освобождаясь от со-телесного присутствия? В первую очередь, становится возможным гибкое обращение с различиями и теоретическими ресурсами. Тело может трактоваться *или* как физическая данность, *или* как носитель смысла, *или* как аспект смыслового комплекса, не собственно тело, но *смысл тела*. Обозримое пространство, данное как образ, размывается, уступая место знанию о территории. Самоочевидное малое пространство может обговариваться, но может оставаться допредикативным опытом. О большой территории знают, и это знание может быть темой коммуникации. Но, в свою очередь, и это знание может оказаться глубинной, нетематизируемой смысловой структурой. Именно в этой связи мы и вводим последнее из предлагаемых понятий: *сополагаемый смысл пространства*.

Тело, находящееся в непосредственной близости партнера по коммуникации, созерцается как таковое. Однако это созерцание вовсе не непосредственно, если под ним подразумевать чистую, не отягощенную социально-культурным контекстом явленность. Пространство обозримого взаимодействия также не есть пространство фиксированных мест, с каждым из которых ассоциируется тот или иной деятель. Хотя непосредственно в момент взаимодействия одно и то же место не может быть занято разными телами, однако даже применительно к микровзадействию, речь уже идет о территории, на которой, в принципе, могли бы размещаться участники интеракции. Она не представляет собой простого сложения мест. Территория есть нечто большее: она предполагает набор разнообразных возможностей размещения (в том числе и "резидентного"). Собственное место и место партнера по взаимодействию всегда соотносятся с более обширной, непосредственно не созерцаемой территорией. О ней известно, она принимается в расчет, и в расчете на нее партнерами определяется смысл взаимодействия. Источником знания при этом служит многообразный опыт, в том числе и тот уникальный опыт перемещений, "приключений" в пространстве, о котором писал Р.Парк (см.: [57, р. 65-66]).

Территория взаимодействия может никак организационно не фиксироваться. Пусть даже мы не обнаружим там природные физические тела ("естественные границы") и социальные артефакты (произведенные людьми значимые объекты: дома, дороги и т.п.), которые бы фиксировали ограниченность перемещений²⁹. Пусть даже мы не найдем структур, т.е. не увидим той регулярной повторяемости действий, которая только и позволяет говорить о структуре. Все равно пространственные перемещения в ходе взаимодействия не выйдут за пределы некоторого региона. Возможности перемещений и размещений ограничены, но эта ограниченность обнаруживается как некое фактическое обстоятельство только тогда, когда мы идентифицируем ограничиваемое. А в этом ограничении кроется и ресурс, набор возможностей взаимодействия, отсутствующий в других случаях. Ограничения и ресурсы, не устает подчеркивать Гидденс, — это две стороны одной медали.

Итак, чтобы идентифицировать территорию, мы должны сказать, *что именно* не выходит за ее пределы. Простейший ответ: действующие, ибо их тела сопряжены с пространством. Но тогда придется поставить следующий вопрос: идентифицируем ли мы пространство по тому, что в нем действуют данные люди или мы идентифицируем людей по тому, что они действуют в этом пространстве? Поскольку мы хотели определить именно пространство, то за независимую переменную надо брать действующих. Однако легко обнаружить, что в целом ряде случаев (например, владение помещьем, гражданство, членство в организации с фиксированным местоположением и т.п.) тождественность самого действующего может быть определена, только исходя из определенности пространства. Если же мы возьмем

---

²⁹ На самом деле такие природные ограничители и/или социальные артефакты есть почти всегда. Мы берем предельный, чистый случай, чтобы показать существо дела.

самый чистый случай: отсутствие естественных границ и социальных артефактов, то нам придется выяснить, где же мы останавливаемся, где предел релятивизму: ведь пространство может быть определено столь же широко, как и действующие, в зависимости только от целей наблюдения. Иными словами, в принципе, цепь взаимодействий непрерывна. Нужны какие-то основания, чтобы выделять именно данных людей или данные территории. В случае с микросоциологическими исследованиями на небольших обозримых пространствах эта проблема не кажется столь острой из-за очевидности созерцаемых тел и пространств. Но по мере того, как осязаемость тела уступает место смыслу тела, нечто аналогичное должно происходить и с пространством.

На передний план выходит фиксируемая наблюдателем значимость предполагаемого пространства взаимодействия для действующих. То есть в том случае, когда для действующих пространство (большое, непосредственно не обозримое пространство) не произвольно, неслучайно, *более-чем-фактично*, мы можем говорить, что смысл его входит в смысл действий и коммуникаций. Именно так поведение одновременно регионализовано и "нормативизировано". Знание о значимом пространстве не обязательно актуализуется во взаимодействии; достаточно того, что оно входит в качестве составного элемента в "само собой разумеющееся" для действующих. Это и есть *соплагаемый* смысл (большого) пространства.

Здесь мы прерываем наши рассуждения. Замысел элементарной социологии пространства, задуманной как соединение фрагментов разных теорий, реализован нами, конечно, далеко не полностью. Много плодотворных концепций не учтено и даже не упомянуто. Однако в данной статье мы вплотную подошли к двум важнейшим ограничениям. Во-первых, последующее изложение (поскольку речь зашла о смысле) было бы невозможно без социологии времени. Во-вторых, продвигаясь вперед, мы все дальше уходили бы от элементарной социологии к построению собственной теории. А именно это сильнее всего противоречило бы нашему замыслу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Simmel G. *Über soziale Differenzierung* // Georg Simmel. Gesamtausgabe. Bd. 2. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1989.
2. Lyotard J.-F. *Le Différend*. P.: Minuit, 1983.
3. Foerster H.v. *Wissen und Gewissen. Versuche einer Brücke* / Hrsgg.v. S.J.Schmidt. Frankfurt a.M., 1993.
4. Glaserfeld B.v. *Wissen, Sprache und Wirklichkeit. Arbeiten zum radikalen Konstruktivismus* / Autorisierte deutsche Fassung von Wolfram K.Kock. Braunschweig / Wiesbaden: Friedr. Vieweg&Sohn, 1987.
5. Luhmann N. *Soziologische Aufklärung 5. Konstruktivistische Perspektiven*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990.
6. Alexander J.C. *Theoretical Logic in Sociology*. 4 vols. London — Henley: Routledge and Kegan Paul, 1982-1984.
7. Turner J.H. *Analytical Theorizing* // *Social Theory Today* / Ed. by A.Giddens & J.H.Turner. Stanford, Cal., 1988. Pp. 156-194.
8. Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // *THESIS*. 1994. N 4. Научный метод. С. 119-157.
9. Giesen B. *Die Entdntnglichung des Sozialen. Eine evolutionstheoretische Perspektive auf Postmoderne*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1991.
10. Bourdieu P. *Zur Soziologie der symbolischen Formen*. 5. Aufl. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1994.

11. Luhmann N. Theorie der Gesellschaft. Fassung San Foca'89. Manuskript. Kap. 1.1.
12. Schmitt C. Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveranitat. 2. Aufl. Munchen u. Leipzig: Duncker&Humblot, 1934.
13. Luhmann N. Die Ausdifferenzierung des Rechts. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1981.
14. Ouine W.V. The Ways of Paradox and Other Essays. N.Y.: Random House, 1966.
15. Luhmann N. Tautologie und Paradoxie in den Selbstbeschreibungen der modernen Gesellschaft // Ztschr.f. Soziologie. 1987. Jg. 16. Hft.3. S. 161-174.
16. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 194-216.
17. Spencer Brown G. Laws of Form. London: Allen and Unwin, 1969.
18. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living. Dordrecht etc.: D.Reidel Publishing Company, 1980.
19. Luhmann N. Soziologische Aufklärung 4. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987.
20. Theorie als Passion. Niklas Luhmann zum 60. Geburtstag / Hrsgg. v. D. Baecker et. al. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1987.
21. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; New York: De Gruyter, 1991.
22. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. N 5. С. 135-160.
23. Wilber K. Das Spektrum des Bewu (3tseins.Dt.Ub.Bernetc.: Scherz, 1987.
24. Parsons T. The Structure of Social Action. New York and London: McGraw-Hill, 1937.
25. Parsons T. Action Theory and the Human Condition. N.Y.: Free Press, 1978.
26. Филиппов А.Ф. Поворот к Канту в современной буржуазной социологии // Новейшие тенденции в современной немарксистской социологии. Ч. 2. М.: ИНИОН, 1986. С. 154-207.
27. Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Oxford: Basil Blackwell, 1990.
28. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Ehemalige Kehrbachsche Ausgabe / Hrsgg. v. R.Schmidt. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1979.
29. Кант [А. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.Лосского. М.: Мысль, 1994.
30. Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. 4. Aufl. Munchen — Leipzig: Duncker&Humblot, 1922.
31. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung (Gesamtausgabe, Bd. 11). Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1992.
32. Зиммель Г. Как возможно общество? // Социол. журнал. 1994. N 2. С. 102-114.
33. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
34. Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge: Polity Press, 1987.
35. Adam B. Time and Social Theory. Cambridge: Polity Press, 1990.
36. Werlen B. Society, Action and Space. An Alternative Human Geography / Translated by Gayna Walls. London and New York: Routledge, 1993.
37. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени / Пер. Ю.Б.Молчанова / Под.ред. А.А.Логунова. М.: Прогресс, 1985.
38. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общая редакция, составление и предисловие А.Ю.Согомонова. М.: Политиздат, 1992.
39. Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. Le systeme totemique en Australie. 4meed. Paris: PUF, 1960.
40. Simmel G. Soziologie des Raumes. In: Simmel G. Schriften zur Soziologie / Hrsgg. v. H.-J.Dahme u. O. Rammstedt. 4. Aufl. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1992. S. 221-242.
41. Simmel G. Der Raum und die raumlichen Ordnungen der Gesellschaft. In: Georg

Simmel Gesamtausgabe. Bd. 11. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung / Hrsgg. v. O. Rammstedt. Frankfurt a.M. 1992. S. 687-790.

42. Филиппов А.Ф. Социология и космос: Суверенитет государства и суверенность социального // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991. С.241-273.

43. Parsons T. The Social System. New Ed. London: Routledge, 1991.

44. Parsons T. Societies. Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewoode Cliffs, N.J. Prentice-Hall, 1966.

45. The Body. Social Process and Cultural Theory / Ed. by M.Featherstone, M.Hepworth and B.S.Turner. London etc.: SAGE, 1991.

46. Bourdieu P. Le sens pratique. P.: Minuit, 1980.

47. Bourdieu P. La distinction. Critique sociale du jugement. P.: Minuit, 1979.

48. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. First published 1959.N.Y.etc.:Penguin Books, 1978.

49. Goffman E. The Interaction Order // Amer. Sociol. Rev., 1983. Vol. 48. February.

50. Collins R. Sociology Since Midcentury. Essays in Theory Cumulation. N.Y. etc.: Academic Press, 1981.

51. Schutz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1981.

52. Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1984.

53. Schutz A. Collected Papers. Vol. 2. Studies in Social Theory. The Hague: Martinus Nijhoff, 1964.

54. Collins R. Theoretical Sociology. San Diego etc.: Harcourt Brace Jovanovich, 1988.

55. Luhmann N. Soziologische Aufklärung 2. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1975.

56. Cicourel A.V. Notes on integration of micro- and macro-levels of analysis // Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro- and Macro-Sociology / ed. by K.Knorr-Cetina and A.Cicourel. London: Routledge and Kegan Paul, 1981.

57. Park R.E. On social control and collective behavior. Selected papers / Ed. by R.H.Turner. Chicago etc.: The University of Chicago Press, 1967.